

ИГОРЬ КИСЕЛЁВ

«ЗАСТЕНЧИВОСТЬ И ВОЛШЕБСТВО...»

// Николаевский Н.М. Трудный день: Стихотворения / редактор И.М. Киселёв. — Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. — С. 5-9.

Не очень давно (и трех лет не прошло с той поры) мы странствовали по городам и селам Кузбасса с группой московских и иных писателей — шла очередная литературная декада. Группа собралась довольно пестрая, но на редкость дружная. Москвич Яков Шведов, автор знаменитого «Орленка»; ленинградец Илья Фоянков; липчанка Светлана Мекшен; киргизский классик Бем Джимбинов, — это всё были поэты. За прозу в нашей группе отдувался Владимир Федорович Попов и делал это, надо сказать, с честью. Кроме того, автор ставшего хрестоматийным романа «Сталь и шлак» тоже очень любит стихи и слушал всех нас на выступлениях с живейшим и доброжелательным интересом.

В нашем автобусе — а переезды случались длительные — разговоры, понятное дело, шли, в основном, о стихах. Тон задавал Илья Фоянков, знакомый мне еще с давних новосибирских лет, где он руководил молодежным литобъединением. Тогда мы, начинающие, восхищались не только его чеканными строчками, но и буквально энциклопедической памятью. В общем, в автобусе то и дело звучали стихи, свои и чужие. Шла взаимная проверка памяти и эрудиции. Разумеется, здесь никто не мог угнаться за Фоянковым. Но я искренне рад, что однажды и мне удалось поставить в тупик всю честную компанию.

Когда пришла моя очередь, я сказал:

— Все мы знаем американского летчика Клода Изерли, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму и сошедшего с ума. Можно ли сказать о нем что-либо новое, необычное и волнующее, используя общеизвестные факты, и притом всего в пяти коротеньких строчках?

После недолгого обсуждения общество вежливо, но решительно высказалось в отрицательном смысле. И тогда я прочитал строки:

Я выжил из ума.

Спуститься ниже?

Моя душа — тюрьма.

Я болью сердце выжег.

Все умерли... Я выжил.

Я выжил из ума!

В автобусе сразу же возникла какая-то напряженная намагниченная тишина. Она была красноречивее всяческих похвал. Все молчали, как бы переживая впечатление мгновенного и точного эмоционального удара. Потом посыпались вопросы и предположения об авторе, нередко самые фантастические.

Выдержав «качаловскую паузу», я с вполне понятной гордостью сообщил, что эти строки написал мой земляк, молодой новокузнецкий, а точнее запсибовский журналист Николай Николаевский, у которого нет еще ни одного сборника — только рукопись на подходе.

И вот она перед вами, первая книга молодого поэта. Не будет преувеличением сказать, что автор шел к этому сборнику никак не меньше десяти лет. Все было на этом пути: поиски, метания, озаряемые вспышками редких удач; были ошибки, провалы, неудачные эксперименты. Если сравнить эту книжку со всем, что написано Н. Николаевским, соотношение будет примерно таким же, как у надводной и подводной частей айсберга. Скрытая, «подводная» часть творчества Николаевского состоит из стихов непродуманных, незаконченных, где удачные строки и строфы тонут и нагромождении необязательных строк.

Что же привлекает меня в творчестве Николая Николаевского? Считаю, и не без

оснований, что у него есть свой голос, своя неповторимая интонация, свой взгляд на окружающий мир, взгляд пристальный и неравнодушный. А это совсем не так уж мало, все остальное даст труд, опыт, профессионализм. В лучших стихах поэта, представленных в сборнике, это в разной степени есть.

Так, автору явно удаются некоторые стихи, которые принято называть «производственными». Как известно, такие стихи правомерно считаются одними из самых трудных. И это понятно: здесь легче всего сбиться на штамп, на «повторение пройденного», на откровенное версификаторство. Но вот Николаевский берет в основу стихотворения сугубо производственный процесс: знаменитую передвижку колоссальной домны на Запсибе. Тут, конечно, немало поэзии: в многодневном нервном и физическом напряжении сотен людей, в дерзости и точности инженерного расчета и т.д. Но поэтически описать это крайне трудно — именно по этому пути отправился бы опытный, набивший руку на важной теме версификатор. Что же увидел здесь автор, причастный к общему труду, общим тревогам и волнениям? Когда тысячетонная махина стала, наконец, на место, было уже темно (или еще темно). И вдруг как будто стало светлее — это засветились уставшие лица рабочих. Гордость? Сознание хорошо выполненного долга? Радость — «А мы, кажется, славные парни?» Автор не говорит об этом, и правильно делает. Заметить эту мгновенную, почти ирреальную вспышку света на осунувшихся от непомерного напряжения лицах мог только поэт.

Есть в сборнике стихи, продиктованные внезапным и сильным переживанием, впечатлением (я назвал бы их стихами-вспышками). Есть — и таких немало — стихи, где чувство сопряжено с глубокими и серьезными раздумьями о месте человека в нашем сложном мире, о единстве всего живого на земле, — единстве, раздираемом противоречиями. Кстати, этот путь, где напряженный лиризм соседствует с философским отношением к миру, по-моему, наиболее перспективен для автора. В чем основная слабость поэта? Пожалуй, в неумении организовывать хаотический образный материал наилучшим образом, в отсутствии навыков к серьезной систематической работе со слогом. Случается, что впечатления захлестывают автора с головой, и он буквально тонет в них, оставляя «на поверхности» отдельные, почти не связанные между собой строки, и тогда перед читателем возникает стихотворение-ребус, которое становится понятным только с длинными авторскими комментариями. Иногда яркие строки, находки, теряются среди строк тусклых, маловыразительных, единственное назначение которых — заполнять ритмические пустоты. Разумеется, подобные стихи не вошли в сборник, либо подверглись значительной переработке. К счастью, у Н. Николаевского немало стихов по-настоящему интересных, пронизанных цельной и непосредственной, а главное, оригинальной мыслью. Они-то и составили основу настоящего сборника.

В заключение хочу сослаться на стихи, которыми открывается книга.

Каких событий отголоски,
Что так ведется испокон:
Мы говорим — умен чертовски,
Не скажем — божески умен.

Мысль развивается свободно, естественно, раскованно. В историческом разрезе народ всегда противопоставлял ханжескому святошеству «чертовскую изобретательность» и «дьявольскую пронизательность». И всегда знал, что настоящие друзья получают из так называемых еретиков. И вся мнимая чертовщина выступает у автора только как средство борьбы с религиозным мракобесием. Кончаются эти стихи великолепными строками.

Окно открою в мир тревожный.
Я твердо знаю, чья взяла.
Встает рассвет, горит безбожно,
И жизнь до дьявола светла!

Я твердо знаю, что в этих стихах отразились лучшие грани поэтического дарования Николая Николаевского: философская глубина, лиризм и неистощимая жизнерадостность.